

Интервью: Налогообложение должно быть справедливым
("Официальный сайт Минфина России", 2021)

"Официальный сайт Минфина России www.minfin.ru", 2021

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СПРАВЕДЛИВЫМ

2020 год запомнился многочисленными и масштабными корректировками российского налогового ландшафта, который еще никогда не менялся с такой скоростью. О причинах пересмотра налоговых соглашений с транзитными юрисдикциями, перспективе денонсации СИДН с Нидерландами, подходах Минфина к настройке налогового режима для резидентов САР, будущем "сквозного подхода", доработке налога на имущество и продлении моратория на учет убытков статс-секретарь заместитель министра финансов РФ Алексей Сазанов рассказал в интервью партнеру, руководителю департамента налогового и юридического консультирования КПМГ в России и СНГ Михаилу Орлову.

- Налоговые изменения 2020 года лучше всего описывает сравнение с тектоническими сдвигами. Не могу не спросить о том, чем они были вызваны. Это реакция государства на непростую экономическую ситуацию, вызванную пандемией, или глобальное видение налоговой политики сформированным год назад Правительством?

- Наша страна, как и другие государства, столкнулась с пандемией коронавируса. И, конечно, на вызванный этим экономический спад нужно было реагировать. Для того, чтобы помочь экономике восстановиться и выйти в дальнейшем на устойчивые темпы развития, были необходимы ресурсы. Это потребовало мобилизации всех средств. В первую очередь именно на эти цели были направлены те меры, которые мы предприняли в прошлом году с точки зрения корректировки налогового законодательства.

- Означает ли это, что, когда мы преодолеем сложности, связанные с пандемией, налоговая система вернется к состоянию 2020 года? Будут ли понижены ставки по ряду налогов, возвращены льготы? Или эти изменения будут носить долгосрочный характер?

- Я бы отметил, что у нас была достаточно сбалансированная налоговая политика в 2020 году, она не сводилась исключительно к повышению ставок. Да, с одной стороны, были отрасли, на которые мы увеличили фискальную нагрузку. Но одновременно с этим мы снизили налоговую нагрузку на те отрасли, которые в долгосрочной перспективе будут создавать базу для развития экономики, станут ее долгосрочными драйверами, - в первую очередь это касается ИТ-индустрии, малого и среднего бизнеса. Если после преодоления последствий пандемии появятся дополнительные доходы бюджета и будет потенциал для снижения налоговой нагрузки, конечно, можно будет рассмотреть вопрос направления этих ресурсов обратно в экономику, в том числе через налоговое стимулирование.

- Мы международная компания, поэтому нас больше всего интересуют международные налоги, а прошлый год был очень богат на изменения в этой области. Достигнуты соглашения о пересмотре СИДН с Кипром, Мальтой, Люксембургом, но новость о возможной денонсации соглашения с Нидерландами стала неожиданностью. Как проходят переговоры с голландской стороной?

- С коллегами из Голландии мы пошли по тому же пути, что и с Мальтой, Люксембургом и Кипром. Им были предложены абсолютно те же условия, что и этим странам, которые с ними уже согласились. Но, к сожалению, взаимопонимания с Нидерландами относительно условий корректировки СИДН пока нет. Они по-прежнему настаивают на сохранении отдельных каналов вывода доходов из России по низким ставкам. Для нас это неприемлемо, поэтому из-за отсутствия прогресса в переговорах нам пришлось приступить к процедуре денонсации соглашения. В настоящий момент практически завершено межведомственное согласование законопроекта о денонсации, он сейчас находится в Минюсте. Когда мы получим заключение Минюста, направим его на рассмотрение в Правительство. Думаю, что уже в феврале будем готовы внести законопроект в Госдуму.

- Денонсация соглашения неизбежна? Это уже решенный вопрос или у голландцев еще есть время для того, чтобы занять более конструктивную позицию?

- Это не решенный вопрос, стремления во что бы то ни стало расторгнуть соглашение с Нидерландами у нас нет. Дело в том, что мы предлагаем всем странам одни и те же равные условия, не

настраиваем их под каждую отдельную юрисдикцию. Эти условия согласованы на всех уровнях власти. В случае если какая-то из стран с ними не согласна, остается одна альтернатива - денонсация СИДН.

Если коллеги из Голландии изменят свою позицию, мы сможем остановить процесс денонсации. Но на данный момент их позиция остается прежней, поэтому мы идем по пути расторжения СИДН.

- Как обстоит ситуация с Люксембургом, который не ратифицировал в срок изменение ставок по СИДН? Планируется ли в связи с этим применение к этой стране "репрессивных мер"?

- Действительно, в 2021 году продолжит действовать прежняя редакция налогового соглашения с Люксембургом. Российская сторона успела ратифицировать протокол об изменении СИДН, коллеги из Люксембурга этого пока не сделали. Мы ожидаем, что это произойдет в ближайшее время, но все изменения вступят в силу уже 1 января 2022 года. Никаких радикальных мер вроде денонсации мы сейчас не обсуждаем.

- Минфин заявлял о том, что изменению подлежат соглашения только с "транзитными" юрисдикциями. Правильно ли я понимаю, что по остальным соглашениям - например, с Германией, Францией, США - подобные изменения не планируются?

- Да, совершенно верно. Мы выбирали юрисдикции, с которыми будем корректировать налоговые соглашения, исходя из того, что через эти страны в Россию возвращается капитал, косвенно относящийся к российским компаниям или предпринимателям. Если речь идет об иностранных инвестициях и капитал изначально находился в той стране, откуда он направлен в Россию, был заработан там, то мы не планировали пересматривать такие соглашения. Германия, Италия, Китай или другие крупные экономики - для нас это стратегические инвесторы, это новый капитал, который приходит в Россию, и с данными странами мы пересматривать соглашения не будем. Это касается любых иностранных инвестиций, кроме, как я уже сказал, стран-транзитеров.

- Не менее остро строит вопрос о будущем "сквозного подхода". В прошлом году долго обсуждались поправки в НК РФ, которые позволили бы применять пресловутый "сквозной подход" и СИДН с той страной, резидентом которой является фактический получатель дохода. Однако Минфин инициировал поправки, исключая возможность модифицировать, сделать "сквозной подход" более доступным и простым. Почему? Вы воспринимаете его как нечто вредное для налоговой системы?

- Я не рассматриваю "сквозной подход" как что-то вредное для налоговой системы. Но, конечно, бизнесу надо упрощать структуру владения. Если посмотреть в долгосрочной перспективе, то все просто: хотите применять налоговое соглашение - инвестируйте из тех юрисдикций, где находится фактический получатель дохода. Создавать, как слоеный пирог, цепочки компаний и при этом пытаться претендовать на льготы, на пониженные ставки, предусмотренные соглашениями, - это по меньшей мере странно.

С другой стороны, мы понимаем, что это исторически сложившаяся система и одновременно, за год или два, ее не изменить. Поэтому в среднесрочной перспективе на промежуточном этапе, пока не будет упрощена структура владения, мы готовы рассматривать "сквозной подход" как возможность для добросовестного бизнеса инвестировать в Россию. Готовы с бизнесом и экспертным сообществом обсуждать доработку тех инструментов, которые в течение какого-то периода времени позволят инвестировать в Россию и применять пониженные ставки в соответствии с соглашениями.

- Правительство неоднократно заявляло о том, что необходимо проанализировать эффективность применения налоговых льгот и пересмотреть подходы к поддержке ряда отраслей. Однако на протяжении последних пяти лет набор льгот практически не меняется. В то же время появляются преференциальные режимы, где присутствует налогообложение как стимулирующий фактор. Являются ли для Минфина налоги тем инструментом, который можно использовать для поддержки экономики?

- Конечно, налоговое стимулирование - это одна из мер поддержки. И здесь в каждом конкретном случае, в каждой конкретной отрасли надо грамотно подбирать те инструменты поддержки, которые есть у государства. Это может быть бюджетная или налоговая поддержка, регуляторные послабления. Каждый случай уникален. Если того будет требовать ситуация, конечно, Минфин готов обсуждать это.

- Один из упомянутых мной преференциальных режимов - это САР. Насколько я понимаю, Минфин не планирует менять законодательство, чтобы этим инструментом могло воспользоваться большое число компаний, чтобы доходы, выплачиваемые из международных компаний за рубеж, освобождались от налогов либо облагались по пониженным ставкам?

- В сегодняшних условиях, когда мы боремся с пандемией и необходимо мобилизовать все ресурсы для восстановления экономики, позволить без уплаты налогов выводить за рубеж заработанную в России прибыль от активной деятельности мы не можем.

Цель донастройки налогового режима в САР - привлечь в Россию те холдинговые структуры, которые сейчас находятся в транзитных юрисдикциях, чтобы они инвестировали из нашей страны. Не стимулирование создания в САР новых компаний, а по сути деофшоризация экономики - возврат бизнеса, который раньше в силу сложившейся системы налоговых соглашений был зарегистрирован в иностранных юрисдикциях.

Мы снижаем ставку на выплату доходов из России для резидентов САР, но, конечно, не можем освободить их от налогообложения полностью. Ставку 10%, которую мы предлагаем, можно назвать балансирующей. С одной стороны, это не совсем освобождение, а с другой - это не 15%, предусмотренные в рамках изменения соглашений с транзитными юрисдикциями. Мы изучили мировой опыт, и я могу вам сказать, что применительно к развитым экономикам это адекватная, привлекательная ставка.

- Можно ли ожидать корректировки налога на имущество организаций? Я имею в виду возврат к налогообложению единого объекта по пониженной ставке.

- Я думаю, что в той конструкции, которая последний год обсуждалась с бизнесом, мы не сумеем договориться в этом году. Минфин не возражает против создания единой налоговой базы, чтобы не было необходимости делить имущество на движимое и недвижимое со всеми вытекающими сложностями. Но уровень ставки, который предлагается бизнесом, и тот, который бы устроил регионы, - слишком разный. И я не вижу возможности за один год сблизить позиции сторон по этому вопросу. Возможно, в процессе обсуждения возникнет консенсус, какая-то иная конструкция, которая позволит решить проблему с налогом на имущество организаций. Будем работать.

- Еще один очень болезненный вопрос для бизнеса - это ограничения на право учета убытков при исчислении налога на прибыль. Планирует ли Правительство выйти с инициативой о продлении на ближайшие годы истекающего в 2021 году моратория на учет убытков?

- Регионы, естественно, выходят с такой инициативой. Бизнес, соответственно, пишет письма о том, что против. Поскольку Минфин стоит на страже доходов, в том числе и региональных бюджетов, мы, конечно, будем поддерживать инициативы субъектов РФ о пролонгации данной нормы хотя бы на три года. Но окончательное решение будет за правительством. Я не берусь сейчас предсказать его.

- В прошлом году был расширен периметр участников НДД. Планируется ли его увеличение в 2021 году?

- Нет, не планируется. Я думаю, что следующее решение о расширении НДД возможно не раньше 2024 года.

- А возврат льгот по НДС?

- Возвращать адресные льготы мы не планируем, в том числе льготы по НДС. Готовы обсуждать перевод отдельных месторождений на режим НДС с 2024 года, когда, надеюсь, уже закончится действие сделки ОПЕК+, не будет ограничений по добыче и можно будет по максимуму использовать ресурсный потенциал России. Тогда мы будем готовы вернуться к дискуссии, но в рамках режима НДС.

- Правильно ли я понимаю, что НДС, как отмирающий налог, будет постепенно замещаться НДС, но с какими-то новыми параметрами?

- Он не то чтобы отмирающий. Просто у нас было такое обилие льгот по НДС, что эксперты и

бизнес справедливо указывали на то, что налог превратился в лоскутное одеяло. НДС позволяет нам систематизировать преференциальные налоговые режимы для различных нефтяных месторождений, и мы будем двигаться в этом направлении.

- Несколько лет назад был принят так называемый налог на Google, когда иностранные технологические компании стали уплачивать российский НДС. При этом многие юрисдикции обсуждают вопрос о налогообложении отдельным налогом прибыли этих компаний. Планируется ли введение такого налога в России?

- Вы справедливо отметили, что крупные иностранные цифровые компании зарабатывают прибыль от оказания услуг в России, которая в принципе не облагается сейчас налогом в нашей стране, потому что зачастую у них нет здесь представительств. Поэтому мы будем стремиться изменить ситуацию и облагать эту прибыль налогом. Это глобальный тренд, сейчас идут дискуссии на площадке ОЭСР о создании наднационального налога, который распределялся бы потом между различными странами. Но пока в этом направлении нет ощутимого прогресса, поэтому отдельные страны, такие как Италия, Испания, Англия и Франция, самостоятельно вводят цифровой налог на своих территориях. Мы будем изучать мировой опыт. Например, в Англии первый полноценный год применения цифрового налога закончится 31 марта этого года. Посмотрим на его результаты и будем думать о целесообразности его введения в России. Пока окончательного решения на этот счет нет.

- Алексей, есть ли у вас понимание того, что может измениться в налоговой системе? Каким налогам, может быть, будет больше внимания уделять Правительство? Чего, в общем, бизнесу бояться?

- Бояться нас не нужно. Мы исходим из того, что налогообложение должно быть справедливым. Если в России зарабатывается прибыль от активной деятельности, то она должна облагаться налогами в России. Поэтому компаниям, которые честно исполняют свои обязанности - платят установленные ставки налога на прибыль, не используют агрессивные схемы налоговой оптимизации, бояться нечего. И я уверен, что добросовестным налогоплательщикам увеличения фискального бремени ждать определенно не стоит.

М. Орлов
Руководитель департамента
налогового и юридического консультирования
КПМГ в России и СНГ

10.02.2021